
УЧЕБНИК РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО — УНИКАЛЬНОЕ СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА РОССИИ В МИРЕ: К ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ ОБОСНОВАНИЮ ЛИНГВОПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИМАГОЛОГИИ

С.К. Милославская

Отдел культуроведения в преподавании русского языка как иностранного
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ул. Волгина, 6, Москва, Россия, 117485

В статье анализируются лингвокультурологические основания имагологического потенциала учебника РКИ.

Проблема «образ России в мире» имеет длительную, непрерывную и противоречивую историю. Эту проблему трудно четко очертить и описать: ей посвящено необозримое количество научной, публицистической и массовой литературы. Но еще труднее эту проблему именно в настоящее время игнорировать. Интерес к ней, как показывают наблюдения, и в мире, и в России особенно обостряется в исторически сложные, «переходные» (в другой терминологии — транзитивные) периоды в истории страны. Именно такой период переживает Россия сейчас, и именно сейчас в мире в очередной раз резко активизируются попытки «понять Россию». Очевидная важность этого процесса позволяет ставить и считать актуальным вопрос о том, какую роль играло, играет и может сыграть распространение, описание и преподавание русского языка как иностранного в становлении и функционировании образа России.

Рассмотрение проблемы «образ России в учебнике РКИ» требует: а) привлечения широкого историко-культурного контекста; б) выхода в сферу «внешней лингвистики» в сосюрловском толковании этого термина и, более того, выхода за пределы лингвистики, даже и «внешней», в относительно новую область гуманитарного знания — *имагологию*, или *образоведение*. Такой «выход» оправдан тем, что имагология как наука зародилась в середине XX в. в недрах филологии — в компаративном направлении литературоведения — и была связана с исследованием образов Других (в том числе и этнических Других) в разных национальных литературах. К настоящему времени в этой науке существует несколько направлений «образоведения», именуемых восходящими к латинскому слову *imago* терминами — *имагология*, *имагогика*, *имиджелогия*. Уместнее всего рассуждать об образе России как Другой страны именно в пределах имагологического направления. При этом, имея в виду относительную неустойчивость терминосистемы молодой науки, необходимо уточнить, что образ здесь и далее понимается как результат отражательной и познавательной деятельности сознания и психики индивида (группы, коллектива и т.д.). *Образ* конкретного реального или идеального объекта есть некоторая модель этого объекта, представляющая его в целостности, но не совпадающая с ним полностью [Ср.: 1].

Образ страны, в отличие от ее *облика*, воспроизводит в сознании не только реальные, но и идеальные черты объекта. В отличие от *представления* о стране, спо-

собного быть фрагментарным и одномерным, образ, даже будучи нечетким, целостен и системен. Являясь категорией сознания, образ объекта, в том числе и Другой страны, по определению не может быть полностью адекватен объекту, хотя к этому стремится. Будучи категорией психики, образ включает в себя *отношение* к содержательным аспектам отражаемого объекта, хотя, в отличие от *мнения*, и не сводится к этому отношению. Отношение чаще всего формируется под влиянием субъективно структурированных ассоциативно-культурных контекстов, способных исказить реальную ситуацию, но не изменять категориальную природу образа относительно отражаемого объекта. Спонтанность формирования, функционирования и интерпретации образа объекта может объективно или субъективно нарушаться, а образ — редуцироваться. Если редукция образа страны как Другого навязывается реципиентам их культурной традицией на этапе восприятия, возникает *коллективный культурный стереотип*. Если такая редукция — результат индивидуальной неспособности или неготовности реципиента к верификации образа, возникает *индивидуальный культурный стереотип* восприятия страны. Стереотипизация образа часто является результатом однообразия и повторяемости информации об объекте. Редукция образа объекта возможна и на этапе его формирования. Если такая редукция носит целенаправленный и умышленный характер и построена на прогнозе реакций реципиента и управлении этими реакциями, возникает *имидж* объекта.

В основе процессов и стереотипизации, и имиджирования лежит одна объективная закономерность: стремление индивида (группы и т.д.) к экономии когнитивных ресурсов. На восприятие России как Другого эта закономерность распространяется в полной мере с тем лишь уточнением, что Россия, как и любая другая страна, — сложный, многомерный, противоречивый объект, образ которого, в грубом приближении, можно представить как состоящий из: а) образа страны как земли и государства; б) образа ее народа и ее культуры в) образа ее языка. Последней составляющей в новейших отечественных имагологических исследованиях далеко не всегда уделяется должное внимание. Между тем, начиная с античности, актуальная и поныне оппозиция «Мы» ↔ «Они» покоится преимущественно, хотя и не исключительно, на факторе языка. Очевидно, описание и преподавание РКИ, нацеленное на редукцию этой оппозиции, объективно может способствовать положительной динамике образа России в мире. В свою очередь, усилия, направленные на коррекцию стереотипизированных и имиджированных образов России в мире, могут служить успешному маркетингу РКИ. Такие усилия, как показывают наблюдения, необходимы.

Сегодня, как и во все времена, и контактная, и бесконтактная (опосредованная) межкультурная коммуникация осложнена политическими, экономическими, конфессиональными факторами. Влияния этих факторов не избегает ни один из источников формирования образа России во внешнем мире. Среди таких источников — учебники по разным предметам в пределах зарубежных образовательных систем. За этими пределами — словари и справочники общего назначения, а также актуализированные тексты электронных и печатных СМИ и Интернета. Свою роль играют произведения русской и российской художественной культу-

ры, и в гастрольном, и во «внутреннем», т.е. интерпретированном родной культурой реципиента, виде. Но едва ли каждый из этих источников способен гарантировать формирование образа страны как целостной, системной, диалектической сущности. При краткосрочном межкультурном контакте — туристическом, деловом, гостевом — чаще формируются или подтверждаются предыдущие стереотипные или имиджевые модели России как «страны посещения», а не ее многомерный диалектический образ. В условиях долгосрочного межкультурного контакта эти модели обычно разрушаются, уступая место более или менее целостному и системному образу страны. Такая целостность и системность еще более четко оформляется, если изучается язык страны: учебник языка превращается в источник систематизированной и непосредственной информации о стране.

Современный учебник РКИ отличается от названных ранее источников формирования образа России как «другой» страны, во-первых, *рациональной и систематизированной подачей информации* о стране, народе и языке, представленной и в письменной, и в устной, т.е. звучащей, форме. Во-вторых, учебник РКИ отличает предполагаемая самим его жанром подконтрольность освоения и усвоения такой информации, т.е. включением параметра *знание* в процесс формирования образа объекта. В-третьих, этот процесс при пользовании учебником РКИ сопровождается неизбежной *диалогичностью* (ученик — учитель) *процесса овладения РКИ*, которая и предполагает, и стимулирует, и гарантирует рефлексивность. Последняя объективно распространяется не только на языковую, но и на внеязыковую информацию о стране. Наконец, в-четвертых, учебник отличает *специфическая, организационная, функция*, предполагающая создание специальных учебных условий для усвоения всей получаемой информации. Это неизбежно выводит процесс усвоения и языка, и экстралингвистической информации о стране за пределы обыденного сознания реципиента.

Но главное отличие учебника РКИ в анализируемом плане гарантируется самой природой предмета «иностранный язык». Если любое употребление языка обладает эффектом воздействия на личность и способствует коррекции модели мира адресата, то это в полной мере относится и к изучению иностранного языка. Ведь, обладая способностью «преобразовывать мир в идеи» (В. фон Гумбольдт), любой национальный язык одновременно и отражает некоторое представление о мире, и формирует его. Способностью языка не только обозначать, но и «видеть», т.е., именуя, интерпретировать мир и объясняется, вероятно, то обилие понятий и терминов, которые характеризуют сложнейшие отношения «язык — действительность» и «язык — сознание» в современной гуманитарной науке: «картина мира», «языковая картина мира», «реконструкция мира», «репрезентация мира» и т.д. Для уточнения исследовательской позиции согласимся, вслед за А.А. Леонтьевым, под «языковой картиной мира» понимать «мир в зеркале языка». Под «образом мира» будем понимать опосредованное языковыми значениями отражение мира в психике индивида [4. С. 18]. Если принять такое понимание, то следует, далее, допустить, что усвоение языковой картины мира должно предполагать доминирование *когнитивно-логического* начала в познании мира через язык.

Образ же мира как психически маркированная категория в процессе познания этого мира должен в немалой степени зависеть от начала *когнитивно-аксиологического*. В первом случае объекты и отношения реального мира членятся, обозначаются и иерархизируются преимущественно на *рациональной* основе. Во втором — во все эти процессы вовлекается оценивающая деятельность сознания с неизменным, если не доминирующим, *эмоциональным* компонентом. Сказанное позволяет предположить: поскольку овладение иностранным языком в общепринятых ситуациях неизбежно сопряжено с целенаправленной рефлексией над изучаемым языком, то зафиксированные в его единицах знания о мире, в частности, о стране изучаемого языка, острее и отчетливее осознаются и лучше запоминаются индивидом, чем в случае пользования родным языком [Ср.: 5].

Особую роль в овладении иностранным языком играют операции сопоставления и сравнения родного и изучаемого языка. Прямым свидетельством признания этой роли следует считать наблюдаемую «реабилитацию» учебного перевода в новейшей глоттодидактике. Между тем всякое сравнение само по себе предполагает прямое или косвенное, сознательно оформленное или бессознательно ощущаемое *отношение* к сравниваемым сущностям. В процессе сравнения языков вовлекается не только осознание специфики новой взаимосвязи звеньев в цепи знак ↔ объект (референт) с его свойствами, но и, осознанное или нет, отношение и к новому знаку, и к обозначаемому им объекту. Возможно, процесс изучения иностранного языка есть не столько постижение его «картины мира», сколько постижение явленного в этом языке «образа мира». Представляется, что признание ведущей роли категории «образ мира» в языке в процессе описания и изучения РКИ позволит полнее учитывать *когнитивно-аксиологические* и *эмоциональные* аспекты познавательной деятельности учащихся. Это позволит также признать не просто лингвострановедческую, но *имагологическую ценность всех и каждой из единиц изучаемого иностранного (русского) языка* и их роль в формировании образа страны изучаемого языка — России.

В самом деле, уже первое знакомство иностранного учащегося с русским алфавитом способно заставить его задуматься об особенностях страны и народа, избравшего такой, а не иной способ начертания букв своего языка. Немалое прямое и косвенное влияние на представление о народе-носителе, изучаемого иностранного языка может оказывать и звуковая сторона языка, а также навязываемые системой языка морфологические, словообразовательные, синтаксические категории. Тем самым воздействие изучения РКИ на личность учащегося и коррекция его модели мира («образа мира») распространяются и на сферу сознательного, и на сферу бессознательного. В этот процесс вовлекается не только способность индивида к языковой рефлексии, но и его *языковая память*. Языковая память, в соответствии с теорией языкового существования, развиваемой Б.М. Гаспаровым, за пределами слов и словоформ оперирует не только устойчивыми словосочетаниями и устоявшимися речевыми формулами, но и так называемыми *коммуникативными фрагментами* (КФ). Под ними понимаются «отрезки речи различной длины, которые хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта... Вся наша языковая деятельность — и создаваемая,

и воспринимаемая нами речь — пронизана блоками-цитатами из предшествующего языкового опыта» [2. С. 118].

Из признания справедливости этого вывода следует не только реабилитация памяти как условия успешного овладения иностранным языком, но и то, что первичным источником «коммуникативных фрагментов» и самого конгломерата иноязыковой памяти служит именно учебник этого языка. Если, по Ю. Кристевой, всякий языковой текст представляет собой «цитатную мозаику», то воспринимаемый и создаваемый учащимся иноязычный текст на определенном этапе обречен быть «цитатной мозаикой», а источником «цитат» — учебник. Сказанное имеет прямое отношение к проблеме «образ страны» в учебнике иностранного языка: этот образ может фиксироваться и формироваться разноуровневыми единицами изучаемого языка, усложняться и, главное, лучше запоминаться за счет указанных закономерностей.

Итак, в силу своей природы учебник национального языка (в нашем случае русского) как иностранного способен становиться уникальным средством формирования образа страны и народа, говорящего на этом языке. В процесс такого формирования способны вовлекаться зрение, слух, интеллект, память, эмоции, а сам он — сопровождаться рефлексией в особых, выведенных за пределы обычного сознания субъектов педагогического процесса условиях.

Отмеченные особенности в соединении с неперенным сообучением культуре народа — носителя изучаемого языка — позволяют учебнику этого языка влиять не только на коммуникативную (*savoir-faire*), но и на экзистенциальную (*savoir-être*) компетенцию учащегося. Формирование первой оказывается в ведении методики преподавания РКИ, формирование второй — прерогатива лингвопедагогики. Именно в пределах лингвопедагогического подхода можно решать проблему формирования адекватного образа, а не стереотипа или имиджа страны изучаемого языка (в нашем случае — России). Сам процесс изучения РКИ, ориентированный на постижение образа русского мира в языке, как представляется, способен редуцировать проблему экзотичности русского языка и безэквивалентности его единиц. Забытые сегодня попытки сделать это относительно русского языка как иностранного предпринимались уже первыми авторами первых рукописных учебников РКИ. Среди них был такой мультилингвально и мультикультурно настроенный и подготовленный автор, как Ричард Джемс.

В своем русско-английском словаре-дневнике, созданном в 1618—1619 гг., он стремился не то чтобы уподобить Россию Британии или Европе в целом, но подчеркнуть сходство их миров, когда русские *olhadi* представлял через «бельгийские крепелен», русский *kissele* через «шотландскую овсянку», *domra* оказывалась «родом русской лютни», а *gusli* — «родом русской арфы» [3]. Очевидно, языковым «картинам» мира русского и европейского миров эти определения не соответствовали, но «образы» миров оказывались близкими. Этим конкретным приемом описания языка решалась важнейшая задача: если не устранялось, то существенно ослаблялось противостояние «Мы» — «Они», «Свои» — «Чужие», чем и обеспечивалась позитивная динамика образа Руси/России уже в этом старинном учебнике, располагая потенциальных учащихся к изучению русского языка как иностранного.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. — М., 1999.
- [2] *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. — М., 1996.
- [3] *Ларин Б.А.* Русско-английский словарь Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). — Л., 1959.
- [4] *Леонтьев А.А.* Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. — М., 1993.
- [5] *Салмина Л.М.* Языковая модель действительности // Язык и этнос. — Казань, 2002.

THE RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TEXTBOOK AS A UNIQUE MEANS OF RUSSIA'S INTERNATIONAL IMAGE CONSTRUCTING

S.K. Miloslavskaya

Department of Linguocultural Studies in the RFL Teaching
Pushkin State Institute of the Russian Language
Volgin str., 6, Moscow, Russia, 117485

The RFL text-book is, theoretically, regarded as a unique means of the Russia's international image constructing in the process of intercultural communication and RFL learning.